

ответственности и реализация желаемых изменений в жизни. Для изучения этих аспектов, помимо стандартного набора ролей, введены две роли: «Человек, осознающий свою причастность ко всему происходящему в его жизни» и «Человек, способный повлиять на свою жизнь или измениться сам». Особенности идентификации, дистанция между образами в личном семантическом пространстве выступали в качестве определителей экзистенциальных границ, связанных с переживанием перспективности или бесперспективности дальнейшего личностного развития.

Полученные эмпирические факты позволили вскрыть внутреннее пространство границ образа «Я» и обнаружить наличие или отсутствие препятствий относительно развития собственной личности.

В нашем исследовании субъектность раскрывалась через два аспекта: 1) осознание собственной причастности ко всему происходящему в собственной жизни, связанное с определением позитивного самоотношения; 2) развитие способности к преобразованию своего места в мире, требующее проявления активности со стороны личности, выступающей в качестве инициатора изменений.

Рассмотрение двух аспектов субъектности привело к следующим выводам: осознание причастности ко всему происходящему в жизни связано с формированием позитивного самоотношения, включением в свою Я-концепцию социально-значимых качеств — тех из них, которые способствуют развитию межличностных отношений, открытостью по отношению к своему будущему (большая интегрированность образов «Я-идеал» и «Я через 10 лет»).

Способность влиять на свою жизнь или изменяться самому, связана с осознанием способности к реализации жизненных планов человека, с осознанием его адаптированности в обществе, желанием повышения уровня независимости, актуализацией стремления к реализации свободы выбора.

В исследуемых случаях внутриличностный конфликт (разотождествление образов «Я сам», «Я через 10 лет» с одной стороны и образом «Я-идеал» с другой) оказался связанным непосредственно с переживаемой бесперспективностью дальнейшего развития «Я».

Д.Е. Москвин

МОЛОДЁЖЬ В ПОЛИТИКЕ – ДА! МОЛОДЁЖЬ ВО ВЛАСТИ – НЕТ!

**Москвин Дмитрий
Евгеньевич**
ассистент кафедры
истории политических
учений Уральского
государственного
университета
им. А.М. Горького

dmitry_moskvina@mail.ru

Дискурс молодёжных политических движений, складывающийся в последние годы, ставит много вопросов относительно политической мотивации молодёжи, используемых ею средств, стоящих за ней субъектов реального политического процесса. Наибольший методологический интерес вызывает вопрос: должна ли молодёжь быть в политике и должна ли она участвовать в борьбе за власть?¹

Мы исходим из того, что молодёжь — это социальная группа, характеризующаяся вынужденным «скоплением» в различных сегментах общественной жизни (школа, вузы, армия, клубы и пр.) и наличием возможности самостоятельного выбора дальнейшей жизненной траектории. Выбор возможен в ситуации

альтернативности, но обуславливается различного рода стереотипами. Принципиальным является понимание молодёжи как социальной группы (т.е. занятие ею определённых социальных ролей в обществе) и её отличие от «молодых людей», т.е. возрастной группы, как правило, 16-30 лет. Не каждый «молодой человек» есть представитель молодёжи!

Участие молодёжи в общественно-политической жизни обуславливается спецификой последней: общественно-политическая сфера — это дискурсивное пространство выработки общих для всех политических смыслов, в которое втянуты посредством различных организационных форм все социальные группы. Политика в этом плане — это 1) внедрение организационных форм, способствующих 2) совместному «обсуждению» стратегии развития общества, решению стоящих перед ним проблем. Это означает, что наличие искусственных и самостоятельно создаваемых молодёжью организаций, движений, клубов позволяет ей выступать смыслозадающим актором политического процесса, однако не даёт оснований участвовать во «взрослой игре» за обладание государственной властью.

Сегодня в России, а после саммита «Юношеской восьмёрки» в июле 2006 г. и во всём мире, наиболее

популярен стереотип, будто бы молодёжь должна участвовать в политическом процессе, ибо за нею будущее, она однажды заменит правящую элиту или окажет влияние на её формирование. Однако ж данное утверждение есть всего лишь констатация неизбежного, ибо смена поколений необратима. В этой связи следует говорить о целенаправленно распространяемой мифологеме, лишь заявляющей необходимость участия молодёжи во всех политических процессах, но не дающей рационального объяснения этой необходимости. Более того, данный миф оказался наиболее востребован в ряде пост-социалистических государств, где в недавнем прошлом именно при активном участии молодёжи произошли «цветные революции». Существуют основания утверждать, что целенаправленная организация молодёжных движений антиправительственной ориентации есть политическая технология, активно применяемая внешними акторами в собственных геополитических интересах.

Найти исторические примеры успешных государств и политических проектов, осуществлённых с оглядкой на молодёжь, вряд ли удастся. Есть стратегическое мышление, есть понимание, какой должна быть страна через 10-15 лет, и молодёжь в данной ситуации вынужденно встраивается в общую для всех схему организации жизни.

Однако можно привести различные примеры, когда молодёжь выступала средством борьбы за власть, инструментом реализации частных политических амбиций и интересов. Так, более 160 лет назад в Великобритании была создана фракция в парламенте (и по случайному совпадению интересов участников – литературный кружок) «Молодая Англия», возглавил которую Бенджамин Дизраэли. Объектом атаки был выбран премьер-министр Роберт Пиль, чьи выступления члены «Молодой Англии» регулярно срывали своими громко озвучиваемыми комментариями. Чуть позже, обосновывая право молодых (членам фракции за исключением лидера не было и 30 лет) на властные притязания, Б. Дизраэли в романе «Кониингсби», или «Новое поколение» напишет: «Какую цель должна преследовать юность? Она должна пытаться вновь создать такую форму правления, которую народ любил бы, а не только терпел. Юность должна обладать героическим честолюбием» (курсив мой – Д.Е.)².

В истории были примеры, когда именно молодёжь радикально меняла ход и характер политической жизни. Если посмотреть биографии главных «героев» Французской революции конца XVIII века, то обнаруживается интересная закономерность: революционерами они стали в возрасте до 30 лет, а на гильотину шли, не достигши и 35 лет. Но если вспомнить, каким образом и в какой обстановке шло идейное обоснование революции, кто и как тиражировал идеи французских просветителей,

то всё становится на свои места. Огюстен Кошен характеризовал предреволюционный период как «республику словесности», где «собираются, чтобы говорить, но отнюдь не делать», где «каждое умственное усилие направлено на получение отзыва, одобрения»³. А если вспомнить «игровой» характер философских концепций того времени, их эпатажность, то становится понятным, что молодёжь нашла в этой среде всё необходимое для реализации своего максимализма, бескомпромиссности, нетерпимости, и только подогреваемая личными амбициями могла пойти на все те действия, коими столь богата история революции.

Луи Антуан Сен-Жюст – в 25 лет депутат Конвента; ярчайший деятель периода якобинской диктатуры; становится известным благодаря безапелляционному заявлению о немедленной казни короля без суда; именно он вводит понятие «враг революции/ народа», в 27 лет гильотинирован. Жан-Ламбер Тальен, начавший революционную карьеру в 22 года, в 25 прославился «сентябрьскими убийствами» в парижских тюрьмах... Почти все лидеры якобинского клуба были едва 30 лет, кроме разве что 45-летнего Марата, в итоге убитого 24-летней Шарлоттой Корде...

Примеры попыток молодёжи побороться за власть есть и в российской истории. Например, исследование биографий участников декабристских кружков наглядно показывает, что большинство их членов были в возрасте 20-30 лет. Уже с 1817 г. появились идеи силового устранения государя императора Александра I – проект 34-летнего М. Лунина, в дальнейшем поддержанный 25-летним П. Пестелем. А в 1825 г. с этими же идеями выступал 30-летний И. Якушкин. Сам характер декабристского мятежа, максимализм целей и героизм в выборе средств свидетельствуют об особой роли психологического фактора, свойственного молодёжи.

Весьма показательна ситуация в России 1870-90-х гг., когда, по словам одного из первых советских исследователей молодёжного движения пореформенной России Б.В. Титлинова, понятия «студент» и «революционер» были почти синонимами, и тот не считался настоящим студентом, кого не били полицейские и жандармы, кто не отсидел своей порции в участке или тюрьме. Примечательно, что среди радикально настроенных студентов численный перевес был за выпускниками духовных семинарий. Как писал в 1879 г. харьковский губернатор М.Т. Лорис-Меликов министру народного просвещения Д.А. Толстому, «наплыв в число студентов преимущественно воспитанников духовных семинарий, без достаточной научной подготовки, без твердых нравственных принципов, даваемых только воспитанием в семье, без материального обеспечения... ставят их в такое положение, которое лишает их возможности и посещать добропорядочное общество. Отсюда, естественно, являются оскорбленное молодое самолюбие,

отчуждение от общества, стремление рисоваться этим отчуждением, обращать на себя внимание своеобразною внешностью и костюмом в виде протеста против установленных правил приличия, пребывание по разным углам, в дешевых пивных и т. п. заведениях, сообщество с темными людьми, тяжелая борьба с бедностью, постоянное раздражение, недовольство существующими порядками и, наконец, усвоение противоправительственных и противогосударственных учений»⁴. Здесь стоит вспомнить, что разгул народовольческого террора приходится на эти же годы. Его итоги для страны в целом оцениваются по-разному, но, с нашей точки зрения, не могут рассматриваться как позитивные. Россия стремительно неслась к революции, истребление элиты и её ответное ожесточение привели страну к длительному хаосу и попыткам реализации утопических проектов.

Приведённые примеры показывают, что стремления молодёжи организованно влиять на власть, а уж тем более бороться за её получение, в итоге негативно сказываются на общественно-политической сфере и приводят зачастую к непредсказуемым последствиям. В этой связи вполне обоснованными кажутся действия российских властей по минимизации неподконтрольного участия молодёжи в политике, сознательной маргинализации тех движений, которые потенциально могут

использоваться для борьбы за властные ресурсы. Однако сам характер политической жизни диктует необходимость организованного вовлечения молодёжи в политику, целенаправленную, а не стихийную политическую социализацию. Попытки монстризировать молодёжь, вытеснить её из общественно-политической сферы лишь провоцируют её маргинализацию и создают условия для эффектного и, возможно, результативного бунта. Учитывая, что политическая история нарабатала опыт различных дисциплинарных практик встраивания молодёжи в политический процесс, российским властям необходимо лишь подойти к данной проблеме как решаемой технологически, а не философски и демагогически.

1. Обычно проблема сводится к вопросу «Молодежь и политика» (на 25.11.2006 поисковая система Google.ru даёт 32 тыс. ссылок на сочетание «молодёжь и политика»). В то же время наивно сводить данную проблему к традиционной метафорической конструкции – «конфликт отцов и детей».
2. Цит. по Моруа А. Жизнь Дизраэли. – М.: Согласие, 2001 – с. 167.
3. Кошен О. Малый народ и революция. – М.: Айрис-пресс, 2004. – с. 28.
4. Цит по. Филиппов Ю. Участие семинаристов в либерально-демократическом движении 1861-1884 - гг. – сайт «Русская цивилизация» <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=21700> (22.11.2006.)

